каштановые волосы и лицо спящей девушки. Она ворочалась, скрипела пружинами, сминая белую ситцевую сорочку и белую сатиновую простынь на мягкой перине.

Спросонья хотелось купаться. Душная веранда, с боль-

Сонный свет полуденного солнца золотил спинку железной кровати, круглые набалдашники на ней, спутанные

шим решетчатым окном, с желтыми, крашенными фанерными стенками, напоминала спичечный коробок. Девушка открыла глаза и посмотрела в окно на пышный, яблоневый сад, тан-

цующий под порывами ветра, на топкую траву, усыпанную ранними яблоками, на глубокое, синее, яркое небо над всем этим зеленым морем.

Где-то на улице, пыльной, знойной, кричали дети: «Эй,

пошли на море!», «Давайте, потом поедим арбуза!», «Родители привезли!».
В доме беззаботно свистел чайник. Девушка положила голову на руки, изрисованные красными полосками, и бол-

тала гольми ногами, временами касаясь холодного железа и жмурясь от удовольствия. Потом с трудом встала, кое-как попила чаю под разлапистой антоновкой.

Во дворе пахло рекой, свежескошенной травой и спелой, раздавленной смородиной. Тетя Галя, бабушкина сестра, говорливая, маленькая старушка, чистила ягоды, сидя за уличным столом на деревянной скамейке. Под свой зад, широкий, обтянутый желтым ситцевым халатом, она подложила

пестрый лоскутный коврик. С неба летел далекий и длинный, словно растянутый эхом, крик чайки.

Дед Петя – высокий, сухой, загорелый, шумел, отгоняя птиц от вишен шваброй, тряс деревья, ел ягоды, ругался.

Галки наперебой спорили, хлопали крыльями, казалось, они смеялись над дедом, щурили глаза и, вдоволь наевшись вишнями, улетали прочь.

Старик, одетый не по погоде в теплый, ватный жилет, медленно сплевывал и шел чинить топор.

девочки. Они гоняли мяч, играли в догонялки и придумывали непонятные окружающим, тайные и удивительные фантазии.

Мимо забора бегали полуодетые, выцветшие мальчики и

непонятные окружающим, таиные и удивительные фантазии. Густая дорожная пыль мягко, словно песок, забивалась между пальцев голых ног, когда девушка шла под крутую

горку на реку. Широкое и плоское водохранилище, которое местные называют морем, напоминало Финский залив. Белые барашки всплывали из холодных голубых вод, частые и мелкие волны рябились — на фарватере их разрезали острые носы баркасов, а у берега останавливали большие, серые валуны.

Сквозь прозрачную воду видно было зелень густых водорослей, нежную тину и желтоватый песок, застывший в форме частых волн.
Когда-то на этом месте была каменистая дорога, уходившая в далекие деревни за Шексну. Потом эти села затопили водохранилищем. Дорога теперь ведет «на ту сторону», как

говорят в народе, в «море», на дне которого покоятся дома, церкви, улицы, монастыри, рынки, леса, поля, заливные луга и могилы. Конечно, всего этого давно уж нет – сгнило и размыло, а есть гладкие камни брусчатки под водой, в которой

плавают щуки и окуни, ерши и плотвички. По морю медленно шла деревянная лодка. Старый рыбак в розовой рваной кепке забрасывал удочку и курил длинную папиросу. Он рассказывал своему внуку, веснушчатому сме-

папиросу. Он рассказывал своему внуку, веснушчатому смешливому подростку, как мальчишкой поймал рыбину в четыре локтя, как собирал чернику по берегам Рыбинского водохранилища, как вплавь, один, добрался до Красного Бора – острова в тридцати километрах от Мяксы.

Мальчик верил и не верил, потягивая оранжевую газировку, смотрел на зеленые кручи, на желтые тропинки и спуски, на разноцветные деревенские домики, коров и лошадей, лениво жующих сочную траву, на дымчатые и манящие

дей, лениво жующих сочную траву, на дымчатые и манящие дальние дали.

Девушка видела мальчика, серую, мутную полоску заповедника, что качался на воде, на той стороне моря. И ей

казалось, что там, меж высоких сосен и елок, ходит, важно

сминая мох, огромный, серебристый олень с прекрасными золотыми рогами, величественно поворачивает голову, раздувает ноздри, вдыхая терпкий запах леса, смотрит умными ореховыми глазами.

Летит над лугами заповедная скопа, поднимает кверху пестрые крылья, вытягивает вперед белые ноги, навострив опасные когти, хватает из воды блестящего синца и исчезает в молочной ряске кучевых облаков.

Неслышно кричала телевизионная вышка, гудела подстанция. Рыжая осока хотела напиться росой до безумия, опьянеть и уснуть.

Девушка разделась до красного купальника, нырнула и поплыла, широко загребая руками.

Неподалеку лакала воду поросшая длинной, спутанной шерстью собака. У самой кромки, на песке чернело вчерашнее кострище. Вокруг валялись рыбьи кости и пахло рыбой. В

воде плавали чешуйки, перламутрово переливаясь на солнце.

Девушка перевернулась на спину и подставила лицо солнцу. Солнце в зените щедро сыпало острые, горячие лучи. Высоко в небе кружил блестящий, стальной спутник. Трепетно шумело холодное море.

Девушка вылезла из воды озябшая, подтянутая. Бронзовая в мурашках кожа была покрыта тысячами маленьких капелек, которые быстро скатывались, цепляясь за выгоревшие волоски на ногах и руках. Она надела шорты и побежала домой – обедать окрошкой на квасе и жареной с луком картошкой. Пила простоквашу из глиняной кринки и угощалась яблочным пирогом. Потом лежала в саду на светлом покрывале, уткнувшись лицом в прохладную, ароматную траву и мурлыкала под нос песню про тридцать три коровы.

А ночью, когда засыпала под тонким, воздушным пологом, слышала песни цикад и далекое уханье совы, вспоминала детство, городскую жизнь, немножко плакала, верила и не верила, что в эту самую минуту, под хрустальной северной звездой, в ней рождается острое чувство счастья.